КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Января **№ 2.** 1878 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СЛОВО

НА НОВЫЙ 1878 ГОДЪ.

Мы, по милости Божіей, вступили въ новый годъ. Если не всѣ, то вѣрно большинство присутствующихъ въ семъ св. храмѣ въ 12 часовъ истекшей ночи, въ большемъ или меньшемъ кругу родныхъ и знакомыхъ, поздравляли другъ друга съ наступленіемъ новаго года, сопровождая свои поздравленія различными благожеланіями...

Теперь всѣ мы во св. храмѣ, тоже по поводу празднованія начала новаго года. Какими же благожеланіями мнѣ привѣтствовать васъ съ сего священнаго мѣста—тѣми ли, которые въ общемъ употребленіи, или какими иными?

Въ нашихъ благожеланіяхъ главное—счастіе и благополучіе, доброе здоровье и продолженіе жизни въ наступившемъ году. Св. церковь не только не осуждаетъ, но сама благословляетъ такія благожеланія особымъ молебнымъ пѣніемъ въ настоящій день, только при этомъ она старается

возвести наши мысли и обязываетъ насъ еще къ иному, чего при нашихъ обыкновенныхъ благожеланіяхъ большею частію не имѣется въ виду и безъ чего выражаемыя нами благожеланія могутъ оказаться пустыми словами приличія. Значитъ, св. церковь наши привѣтствія съ новымъ годомъ считаетъ недостаточно полными, потому сама же въ нынѣшнемъ молебномъ пѣніи указываетъ, въ чемъ должно состоять это восполненіе.

Обращаемся къ молебному пѣнію; но прежде всего задаемъ себѣ такой вопросъ: что значитъ въ жизни нашей наступленіе каждаго новаго года? Простой отвѣтъ—это обыкновенный счетъ времени. По взгляду христіанскому иначе: начало новаго года означаетъ то, что съ окончаніемъ каждаго года нить нашей жизни становится короче и короче, что съ наступленіемъ каждаго новаго года мы все болѣе и болѣе приближаемся ко гробу, совершенно не зная того, что наступающій годъ можетъ быть послѣдній въ нашей жизни какъ истекшій былъ послѣднимъ для многихъ изъ среды нашей, которые вмѣстѣ съ нами встрѣчали прошедшій годъ, раздѣляя съ нами свои надежды и ожиданія...... Думаю, что каждый заботящійся о душѣ своей, каждый сохраняющій въ душѣ своей память о загробной жизни, не останется равнодушнымъ къ подобному значенію смѣны одного года другимъ. Какъ я провелъ истекшій годъ? что я сдѣлалъ въ это время для души своей, и для загробной жизни? и что, если этотъ наступившій годъ будетъ послѣдній въ моей жизни?... Такіе и подобные вопросы естественно должны родиться въ душѣ человѣка—христіанина, заботящагося о своемъ спасеніи, должны возбудить въ душѣ каждаго изъ насъ тяжелое раздуміе о своемъ прошломъ и будущемъ. Предполагая таковое настроеніе въ душахъ нашихъ, св.

церковь, при переходѣ нашемъ изъ одного лѣта въ другое, помогаетъ намъ и въ молитвахъ своихъ испрашиваетъ для насъ *благословеніе* у Того, Кто въ своей власти положилъ времена и лѣта и Кто есть единый Властитель нашего будущаго.

Сообразно съ этою мыслію, св. церковь, зная наши слабости и удобопреклонность ко грѣху, въ своихъ пѣснопѣніяхъ и эктеніяхъ молебнаго пѣнія, которое сейчасъ услышите, прежде всего молится, призывая къ тому и насъ— «о еже милостивно мольбу недостойныхъ рабовъ своихъ въ пренебесный жертвенникъ пріяти... и простити всѣмъ людемъ вся согрѣшенія вольная и невольная, въ мимошедшемъ лѣтѣ содѣянная.... о еже не помянути безчисленныхъ беззаконій и лукавыхъ дѣяній нашихъ, въ мимошедшемъ лѣтѣ бывшихъ, и не воздати намъ по дѣломъ нашимъ, но въ милости и щедротахъ помянути насъ»; потомъ, увѣренная въ неистощимомъ милосердіи Господнемъ, призываетъ насъ излить предъ престоломъ Его благодати благодарныя чувства за всѣ благодѣянія, явленныя въ мимошедшемъ лѣтѣ: «благодаряще со страхомъ и трепетомъ, яко рабы непотребные, Твоему благоутробію, Спасе и Владыко нашъ Господи, о Твоихъ благодѣяніяхъ, яже изліялъ еси обильно на рабѣхъ твоихъ—припадаемъ и славословіе Тебѣ, яко Богу приносимъ»; наконецъ молитъ Владѣющаго временами и лѣтами «благословить начатокъ и провожденіе наступающаго лѣта благодатію человѣколюбія своего... подати дожди благовременны, ранни же и поздни, росу плодоносну, вѣтры мирны и благорастворенны, теплоту солнечную возсіяти.... избавити же насъ въ сіе грядущее лѣто и во вся дни живота нашего отъ глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, нашествія иноплеменныхъ и междоусобныя рати и отъ вся-

кія смертоносныя раны, скорби же и нужды». Не наши ли общія благожеланія слышатся въ этихъ молитвенныхъ благожеланіяхъ св. церкви? Но еще особенный предметъ моленія св. церкви въ настоящій день составляетъ благосостояніе св. вѣры нашей и ея высокаго защитника и покровителя— Благочестивѣйшаго Государя нашего. Здѣсь св. церковь взываетъ Вседержителю: «о еже помянути церковь св. Свою, укрѣпити, утвердити же, расширити и умирити ю и всѣми навѣты видимыхъ и невидимыхъ враговъ непреобориму на вѣки соблюсти... искоренити же и угасити все богохульное агарянское нечестіе и царство ихъ скоро разрушити и правовѣрнымъ предати.... Благопоспѣшити же благочестивѣйшему Императору во всемъ и покорити подъ нозѣ Его всѣ христоненавистныя языки и всякаго врага и супостата» (Молебн. пѣн. въ нов. г.). Вотъ чѣмъ св. церковь предваряетъ, восполняетъ и освящаетъ наши взаимныя благожеланія—*молитвою*, которая должна быть первымъ гимномъ нашей души своему Творцу и Промыслителю, первымъ даромъ Ему нашего признательнаго сердца при встрѣчѣ новаго года!

Да благословитъ же *душа наша Господа*, что Онъ, по милосердію Своему, не по беззаконіямъ нашимъ творилъ съ нами въ прошедшемъ лѣтѣ, и не по грѣхамъ нашимъ, которыми мы такъ часто оскорбляли Его, воздавалъ намъ, но призывалъ насъ къ покаянію и принималъ насъ кающихся, и изглаждалъ и очищалъ беззаконія наши и—еще даетъ время для дальнѣйшаго исправленія и преуспѣянія въ дѣлахъ вѣры и благочестія, въ подвигахъ любви къ ближнему и самоотверженія!

Да благословитъ душа наша Господа за всѣ неизреченныя милости, которыхъ мы удостоились въ истекшемъ

лѣтѣ! О, коль многое множество благости своей явилъ Господь намъ недостойнымъ! Жизнь есть первый и драгоцѣннѣйшій даръ на землѣ,—и для многихъ изъ тѣхъ, которые встрѣчали съ нами прошлый годъ, не стало времени, тогда какъ мы, пощаженные рукою смерти, вступаемъ въ новое лѣто. *Сіе не отъ насъ—Божій даръ.* За тѣмъ все, чѣмъ пользовались мы въ жизни,—тоже дары руки Господней. Для жизни тѣлесной Онъ давалъ намъ дыханіе, свѣтъ, пищу, жилище и проч (Псал. 135, 25, 134, 7); Онъ хранилъ наши тѣлесныя силы и ограждалъ здравіе тѣла нашего, подверженнаго немощамъ и болѣзнямъ, или исцѣлялъ насъ отъ постигавшихъ недуговъ и сохранялъ жизнь нашу отъ такихъ опасностей, которыхъ мы собственными силами не могли ни предвидѣть, ни предотвратить, ни одолѣть (Псал. 103, 28. 29.). Для жизни духовной—освѣщалъ свѣтомъ вѣденія наукъ и преимущественно свѣтомъ вѣры и своего божественнаго слова, питалъ наши души, оживлялъ и оживотворялъ благодатію св. Духа во св. таинствахъ и руководилъ ко спасенію сонмами небес. силъ. Для жизни гражданской—благословлялъ насъ тишиною, безопасностію и благостроеніемъ подъ мудрою и мощною десницею благочестивѣйшаго Государя нашего. Мы имѣли добрый успѣхъ въ дѣлахъ своихъ, видѣли благо для себя и для другихъ въ исполненіи своихъ обязанностей, наслаждались радостію и веселіемъ. Все это—дары Божіи!

Да благословляетъ душа наша Господа и за тѣ скорби и страданія, которыя кому изъ насъ пришлось испытать въ истекшемъ лѣтѣ! Таковъ жребій человѣка въ настоящей жизни: на землѣ нѣтъ полнаго блаженства для человѣка, не можетъ быть для него и полной, ничемъ не возмутимой радости. Не легко было страдальцамъ переносить свои скорби,

тяжело было терпѣть бѣдствіе бѣдствующимъ; но и эти скорби и эти бѣдствія—*Божій даръ*. Господь наказуетъ насъ, но не отъ сердца (Плач. Іер. 3, 32), напаяетъ насъ слезами, но въ мѣру (Псал. 79, 6), посылаетъ на насъ скорби и болѣзни, но не превышающія наши силы (1 Кор. 10, 13). Пусть сами, испытавшіе на себѣ удары бѣдствій, пораженные скорбями и лишеніями, засвидѣтельствуютъ—совершенно ли безутѣшны и безпомощны они были среди самихъ тяжкихъ обстоятельствъ жизни, въ минуты самыя горькія? Не являлась ли часто въ затруднительныхъ обстоятельствахъ помощь оттуда, откуда всего менѣе можно было ожидать ее? Не было ли неожиданно подаваемо утѣшеніе тогда, когда болѣе всего имѣлась въ немъ нужда? Не осѣнялъ ли растерзанную скорбію душу особенный миръ Божій, послѣ чего не могли уже смущать ее никакія бѣдствія? Значитъ и таковыхъ страдальцевъ не забывалъ Господь, и можетъ быть на нихъ-то изливалъ еще большую милость свою, потому что скорби и страданія, которыми Господу благоугодно бываетъ посѣщать насъ (Евр. 12, 6)—самое дѣйствительное врачевство противъ грѣховныхъ нашихъ болѣзней, самое вѣрное средство оторвать сердца наши отъ земнаго и обратить къ небесному.

Да благословитъ же душа наша Господа, очищающаго вся беззаконія наша, исцѣляющаго вся недуги наша, избавляющаго отъ истлѣнія животъ нашъ, вѣнчающаго насъ милостію и щедротами, исполняющаго во благихъ желанія наша! Да благословитъ душа наша Господа, и вся внутренняя наша имя святое Его! Благослови душе моя Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его (Псал. 102, 1—5)! Такимъ молитвеннымъ возношеніемъ ума и сердца къ благодѣющему намъ Богу мы должны были

привѣтствовать начало наступившаго года, и это тѣмъ необходимѣе, тѣмъ спасительнѣе для насъ же самихъ, что мы не знаемъ, что ожидаетъ каждаго изъ насъ въ новомъ году. Все что видѣли мы въ мимошедшемъ лѣтѣ въ своей жизни и около себя, прошло и не возвратится. Но проживемъ ли мы наступившій годъ? Продлится ли далѣе счастіе тѣхъ, которымъ нечего было желать, кромѣ продолженія своихъ радостей? Осушатся ли слезы тѣхъ, у которыхъ единственное желаніе — чтобы окончились ихъ страданія? Будетъ ли благорастворенie воздуха, дастъ ли земля съ избыткомъ плодъ свой дѣлателю, или не возвратитъ и того, что въ нее брошено? Прекратится ли желаннымъ миромъ продолжающаяся священная брань, или новый вихрь брани заставитъ зашататься новыя царства и народы?.. На всѣ эти и подобные вопросы одинъ отвѣтъ—не знаемъ, и никакая мудрость человѣческая не въ силахъ разрѣшить ихъ заранѣе. Все это вѣдаетъ одинъ Господь... Мы многое можемъ предполагать, но всѣмъ располагаетъ Онъ одинъ премудрымъ и всеблагимъ своимъ Промысломъ.

Отсюда—по мысли св. церкви и для блага каждаго изъ насъ и для блага всѣхъ ближнихъ нашихъ и для блага общаго—мы должны были предварить, а теперь—восполнить обычныя свои благожеланія молитвеннымъ возношеніемъ ума и сердца къ подателю всѣхъ благъ Богу.

Пусть же каждый, если того не дѣлалъ прежде, помолится теперь усердно за себя, да благословитъ Господь входъ его въ новое лѣто, да даруетъ ему, въ наступившемъ году, первѣе всего преуспѣяніе въ дѣлахъ вѣры и подвигахъ христіанской любви и благочестія, и потомъ да ущедритъ его всѣми благами небесными и земными!

Помолимся совокупною молитвою и другъ за друга—о здравіи и благоденствіи въ наступившемъ лѣтѣ. Этою молитвою мы засвидѣтельствуемъ искренность всѣхъ своихъ высказываемыхъ благожеланій и будемъ способствовать исполненію ихъ. Вотъ здѣсь и я считаю умѣстнымъ выразить вамъ благожеланіе на наступившій новый годъ, которое вполнѣ по духу св. церкви: *желаю всѣмъ вамъ*, братіе христіане, *спасенія души*, потому что кто полагаетъ краеугольнымъ камнемъ всей своей жизнедѣятельности спасеніе своей души,—а это главная задача нашей земной жизни,—для того внѣшнее счастіе, богатство, земныя отличія, достоинства и проч. дѣло второстепенное—или совершенно не нужны, или приходятъ сами собою, какъ праведное воздаяніе, которымъ Господь еще здѣсь на землѣ часто ущедряетъ вѣрныхъ рабовъ своихъ (Матѳ. 6, 33). Къ сожалѣнію, это самое первое и главное благожеланіе, которымъ освящаются и при которомъ имѣютъ смыслъ всѣ остальныя наши благожеланія, не вошло въ обычай, или какъ говорятъ—не принято въ свѣтѣ.....

Затѣмъ выразимъ молитвенное благожеланіе возлюбленному отечеству нашему, да даруетъ ему Господь въ наступившемъ году внутри—миръ, благостроеніе, благоденствіе, изобиліе, сохранитъ его отъ всякой скорби, нужды и бѣдствія, а извнѣ—да вѣнчаетъ его новою славою и честію, паче всѣхъ языкъ и племенъ!

Пошлемъ молитвенное привѣтствіе съ новымъ годомъ христолюбивымъ, храбрымъ нашимъ воинамъ, вдали отъ насъ—на чужбинѣ переносящимъ всѣ невзгоды военно-боевой жизни, храбро борющихся съ природными преградами и поражающимъ враговъ креста Христова и неустрашимо жертвующимъ своею кровію и жизнію за св. дѣло,—чтобы

Господь поддержалъ въ нихъ неослабну, непреобориму, побѣдительну же крѣпость и мужество съ храбростію на окончательное сокрушеніе враговъ и супостатовъ св. вѣры и церкви! О падшихъ на поляхъ брани продолжимъ свое моленіе, чтобы Господь простилъ имъ всѣ согрѣшенія ихъ и въ день праведнаго воздаянія воздалъ вѣнцы нетлѣнія. А для изувѣченныхъ и раненыхъ, для осиротѣлыхъ семействъ пусть послужатъ поздравленіемъ съ новымъ годомъ новыя и новыя пожертвованія наши на облегченіе ихъ страданій и на утѣшеніе въ горькой долѣ!

Не забудемъ также послать молитвенное привѣтствіе съ новымъ годомъ и страждущимъ нашимъ братьямъ славянамъ, чтобы Господь поддержалъ и укрѣпилъ ихъ въ терпѣніи, внялъ ихъ вздохамъ и стонамъ и въ наступившемъ новомъ лѣтѣ отеръ кровавыя слезы отъ очей ихъ! Главнѣе же всего и всеусерднѣе вознесемъ сердечныя молитвы къ Царю царствующихъ о Благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ и о всемъ Августѣйшемъ домѣ. О! да даруетъ ему Ему Господь новыя силы на новые царственные подвиги, да увѣнчаетъ вожделѣннымъ успѣхомъ всѣ Его намѣренія, начинанія и дѣла рукъ Его, и да приложитъ Ему дни на дни, лѣта на лѣта ко благу не только нашему, но и ко благу угнѣтенныхъ и страждущихъ нашихъ братій о Христѣ, за которыхъ Онъ—миролюбивый обнажилъ мечь свой и которые въ Немъ одномъ видятъ опору своего благоустроенія и мира! Аминь.

Протоіерей *Ал. Воскресенскій.*

ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го.

Рѣчь въ торжественномъ собраніи кіевской духовной академіи 12-го декабря 1877 года.

(Продолженіе) [1].

Рядъ дѣйствій, послѣдовавшихъ за воцареніемъ, оправдывалъ надежды друзей человѣчества. Каждое распоряженіе снимало какія-нибудь старыя оковы, открывало свободный путь къ новой и благотворной дѣятельности. Воспитанникъ Лагарпа, другъ просвѣщенія и свободы, врагъ этикета сказался вполнѣ.

Обращено было вниманіе на народное образованіе: Екатерининскія главныя и малыя училища—преобразованы, первыя—въ гимназіи, вторыя—въ уѣздныя училища. Сверхъ того учреждены приходскія училища, готовились уставы университетовъ, и въ непродолжительномъ времени открыты университеты въ Казани и Харьковѣ, (гораздо позже въ Спб.) Коммиссія дух. училищъ приводила ихъ въ тотъ видъ, въ какомъ они существовали до послѣдняго времени. Дозволенъ впускъ иностранныхъ всякаго рода книгъ и нотъ; дозволены частныя типографіи; дано самое широкое поощреніе русской литературѣ, какъ оригинальной такъ и переводной,—и наконецъ изданъ знаменитый указъ, по которому права на средніе и высшіе чины, а слѣд. и должности поставлены въ зависимость отъ диплома среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеній. До какой степени возбудительно дѣйствовалъ личный примѣръ и образъ мыслей государя, видно изъ тѣхъ щедрыхъ пожертвованій, которыя посыпались отъ частныхъ лицъ, на дѣло народнаго образованія. Довольно

---

[1]) См. № 1-й „кіев. епарх. вѣд.“.

припомнить пожертвованія Демидова и Безбородки, обезпечившія открытіе и существованіе лицеевъ Ярославскаго и Нѣжинскаго.

Еще болѣе сдѣлано для свободы людей и въ частности для свободы нисшаго класса. Уничтожена тайная канцелярія, уничтожены пытки, возстановленъ законъ, освобождающій священниковъ и діаконовъ отъ тѣлеснаго наказанія. Запрещено продавать крестьянъ безъ земли; изданъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ—первая проба отмѣны крѣпостнаго права; прекращена раздача крестьянскихъ душъ отъ царя сановникамъ, такъ сильно практиковавшаяся въ предъидущія царствованія. Вотъ что отвѣчалъ Государь одному изъ сановниковъ, просившему пожалованія имѣніемъ. «Большая часть крестьянъ въ Россіи рабы; считаю лишнимъ распространяться объ уничиженіи человѣчества и о несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и потому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность». До какой степени и тутъ—въ учрежденіи свободныхъ хлѣбопашцевъ—имѣли силу личные вкусы императора—показываетъ характерный отзывъ Державина, не дѣлающій впрочемъ чести великому поэту. Именно Державинъ называетъ указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ выдумкою гр. Румянцева который сдѣлалъ-де это, «смѣю сказать, изъ подлой трусости, чтобып одольститься» къ государю, напоенному идеями Лагарпа. Много лѣтъ спустя, когда Александръ будучи въ Парижѣ, горячо возставалъ противъ торговли неграми, нѣкто позволилъ себѣ замѣтить, что въ Россіи существуетъ же крѣпостное право. Государь нѣсколько смутился, но тотчасъ же оправился и отвѣчалъ: «ваша правда! въ Россіи есть крѣпостные, но есть еще очень большая разница между ними и неграми: но я не хочу ссылаться на

это и объявляю, что крѣпостное право также дурно, что оно должно быть уничтожено и что съ Божіею помощію оно прекратится еще въ мое правленіе».

Простота частной жизни государя была такъ велика, что на взглядъ стариковъ Екатерининскаго времени ею даже ронялось свойственное царю величіе. Не безъ намѣренія въ оффиціальныхъ актахъ употреблялись выраженія: *отечество* въ смыслѣ верховной власти, *русскіе подданные*—вмѣсто—*наши подданные* и эти особенности съ напряженною чуткостію подмѣчались и друзьями свободы и друзьями стараго порядка. Были у имп. Александра и приближенные, Кочубей, Новосильцевъ, Чарторыйскій, Строгановъ,—впослѣдствіи Сперанскій; но какъ существенно различны они отъ временщиковъ прежняго времени. Ни вкуса къ интригѣ, ни жажды къ наживѣ и отличіямъ, ни духа угодливости въ нихъ не замѣчалось. Первые четыре, составляя, какъ въ шутку выражался Александръ,—comitè du salut public, не занимали видныхъ мѣстъ и не имѣли особенныхъ отличій (Новосильцевъ напр. украшался только Владиміромъ 4 ст.). Сперанскій въ своемъ Пермскомъ письмѣ могъ говорить объ эпохѣ своей приближенности къ государю, какъ о дѣлѣ прошломъ, въ такихъ выраженіяхъ: «во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ вашимъ разумомъ и никогда не хотѣлъ обольщать вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да и не могъ я получить вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы были мною не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги.... Во все время, какъ я пользовался

вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ или кому старался повредить въ очахъ вашихъ? На кого навелъ я какую-нибудь тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ и при всѣхъ случахъ старался питать и возвышать въ душѣ вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость и снисхожденіе, коими Богъ и природа въ благости своей васъ одарили!» Пусть же примутъ благодарный привѣтъ потомство, добрые временщики первыхъ временъ Александрова царствованія!

Но мы не обозначили бы сущности политическихъ начинаній и. Александра, если бы ограничились тѣмъ, что сказано. Конечно заботы о просвѣщеніи и улучшеніи быта подданныхъ—заботы весьма похвальныя; но не въ этомъ было главное дѣло. Теорія Лагарпа и практика Павлова царствованія привели и. Александра къ убѣжденію въ необходимости существенно измѣнить характеръ управленія, поставить въ основу правленія *законъ*, равно обязательный для правителя и для управляемыхъ и оградить отечество однажды навсегда отъ случая и произвола. Когда-то Александру было сказано, что его личность замѣняетъ конституцію и служитъ лучшею гарантіею для подданныхъ. *Пусть такъ*, возразилъ Александръ, *но все-таки это будетъ только счастливая случайность*. Желаніе выдвинуть на первый планъ *законъ* проявлялось весьма рѣзко и въ рѣчахъ государя и въ рѣчахъ его приближенныхъ. Въ оффиціальномъ актѣ государь высказывался, что въ единомъ *законѣ* поставляетъ онъ начало и источникъ народнаго блаженства и удостовѣренъ, что всѣ мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но единый *законъ* можетъ утвердить ихъ на вѣки. «Не могу—однажды говорилъ государь, отказываясь исполнить какую-то просьбу,—и потому не могу,

что этому препятствуетъ нѣчто высшее меня, именно *законъ*. «Вы, государь, *выше* закона», возражала просительница». —Я не признаю власти, которая бы не исходила отъ закона,—отвѣчалъ Алексанръ.

Въ понятіи о законѣ, которому подчиняется самъ государь, заключалась уже идея объ ограниченіи абсолютной монархіи. Форма этого ограниченія оставалась вопросомъ открытымъ, и учрежденіе государственнаго совѣта и министерствъ были первые шаги въ общей реформѣ управленія. Что государственному совѣту на первыхъ порахъ придавалось существенное и реальное участіе въ управленіи,—это доказывается какъ выраженіемъ въ оффиціальныхъ актахъ отъ имени государя: *внявъ мнѣнію совѣта*, такъ равно хоть бы и слѣдующимъ притупомъ къ извѣстному мнѣнію Мордвинова объ эмбенскихъ водахъ: «Если разсуждать только къ одному отношенію къ самодержавной власти,—говоритъ Мордвиновъ,—«конечно весьма легко рѣшить все дѣло. Неограниченною волею государя воды сіи отданы частному человѣку; неограниченная воля другаго государя, ему равнаго, можетъ ихъ взять обратно: опредѣлить за нихъ вознагражденіе, бóльшее или меньшее; или не опредѣлять никакого— зависитъ отъ его хотѣнія. Тутъ не можетъ быть вопроса ни о справедливости, ни о несправедливости. Въ понятіи власти произвольной все смѣшано и нѣтъ въ ней ничего несправедливаго, ибо она сама есть первая несправедливость: въ семъ понятіи не было бы никакой нужды спрашивать у совѣта мнѣнія о семъ дѣлѣ, развѣ о томъ какимъ образомъ дѣйствіе самовластія прикрыть видомъ общественной пользы. Но я думаю и думать не престану, что государь, предлагая сіе дѣло совѣту, вопрошаетъ его не о благовидности, а о справедливости, и слѣдовательно желаетъ, чтобы вопросъ

сей былъ изслѣдованъ въ понятіяхъ правленія монархическаго». Противуполагая монархію произволу, Мордвиновъ очевидно имѣлъ въ виду монархію, въ извѣстномъ отношеніи ограниченную.

Госуд. совѣтъ и министерства были только начатками преобразованій въ формѣ управленія; планъ общаго преобразованія не осуществился, и остался только на бумагѣ, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша. Окончательная редакція плана принадлежитъ Сперанскому; Сперанскій въ письмѣ къ Александру заявлялъ, что онъ давалъ только *систематическое расположеніе* идеямъ, занимавшимъ государя; самъ же государь впослѣдствіи говорилъ, что Сперанскій развилъ — и притомъ невѣрно — мысли Лагарпа. Конечно нѣтъ возможности и надобности разграничивать, что въ этомъ планѣ принадлежитъ Лагарпу, что — Сперанскому, и что́ самому государю. Довольно сказать, что было время, когда этотъ планъ во всей цѣлости былъ принимаемъ государемъ, и если не осуществился сразу во всей полнотѣ, то единственно по свойственной Александру осторожности и изъ опасенія людей, которые были болѣе монархистами, чѣмъ самъ монархъ. — Даже въ настоящее время, чрезъ 70 почти лѣтъ послѣ написанія, проектъ поражаетъ насъ крайнею смѣлостію и рѣзкостію своихъ основоположеній.

«Къ чему — говоритъ проектъ, критикуя настоящій порядокъ управленія — «къ чему служатъ законы, опредѣляющіе право собственности каждаго, когда сама эта собственность не имѣетъ никакого прочнаго и опредѣленнаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда ихъ таблицы могутъ каждый день разбиться о первый камень абсолютизма? Къ чему стараться просвѣтить раба, если просвѣщеніе не должно имѣть на него другаго дѣйствія, кромѣ того, что оно заста-

витъ его еще болѣе почувствовать тягость своего положенія. Умы находятся въ тягостномъ безпокойствѣ; и это безпокойство можно объяснить только полнымъ измѣненіемъ, происшедшимъ во мнѣніяхъ, только желаніемъ другаго правленія, желаніемъ, пожалуй неопредѣленнымъ, но тѣмъ не менѣе живымъ....

Въ основу реформы проэктъ ставитъ два положенія: 1) что основные законы государства должны быть дѣломъ націи 2) что основные законы государства полагаютъ границы абсолютной власти.

Въ главѣ *о духѣ органическихъ законовъ* излагается система учрежденій, по отношенію къ которой государственный совѣтъ и министерства составляли только фрагментъ. По проэкту законодательство ввѣрялось *государственной думѣ*; судъ — *сенату*; администрація — *министерству*. Дѣйствіе этихъ трехъ учрежденій соединяется въ государственномъ совѣтѣ и чрезъ него восходитъ къ престолу. Государственная дума имѣла значеніе законодательнаго собранія, изъ депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ классовъ. Дума должна была обсуждать законы, предлагаемыя правительствомъ, получать отчеты съ министровъ, и назначать сенаторовъ. Проэктъ предполагалъ особыя инстанціи, въ нисходящемъ порядкѣ а) *для законодательства*: губернская дума, уѣздная дума, волостная дума. б) *для суда*: губернскій судъ, уѣздный судъ, волостной судъ. в) *для администраціи*: губернское управлені, уѣздное управленіе, волостное управленіе.

По прочтеніи этаго проэкта у насъ возникаетъ представленіе, что въ началѣ правленія Александра существовалъ сильный и хорошо организованный заговоръ противъ правительственнаго абсолютизма. Хитрость этого заговора состояла между прочимъ въ томъ, чтобы провести переустрой-

ство учрежденій по возможности незамѣтнымъ образомъ. Судя по преданіямъ прежнихъ царствованій, заговорщикамъ слѣдовало бы поплатиться ссылкою, если не чѣмъ либо худшимъ; но бѣда въ томъ, что во главѣ предпріятія стоялъ самъ молодой государь, а его ближайшіе совѣтники были только органомъ его идей. И мы невольно должны преклониться предъ великодушнымъ государемъ, слагавшимъ съ себя часть своихъ державныхъ правъ и желавшимъ поднести народу сладкій даръ свободы съ трогательною скромностію.

Далеко не все проэктируемое осуществилось.—Нашлось не мало людей, которымъ хорошо жилось и при старыхъ порядкахъ, которые боялись перемѣны; и выразителемъ мнѣнія такихъ людей явился краснорѣчивый Карамзинъ съ своею запискою *о старой и новой Россіи*. Карамзинъ выражалъ общій голосъ народа русскаго, который привыкъ управляться патріархально, видѣть гарантію для себя въ личномъ благодушіи государя и вѣрить, что Богъ, спасавшій Россію прежде и посылавшій ей добрыхъ государей, пошлетъ таковыхъ же и на будущее время.

«Кто вѣритъ Провидѣнію,—говоритъ Карамзинъ,—да видитъ въ зломъ самодержцѣ бичь гнѣва небеснаго! Снесемъ его какъ бурю, землетрясеніе, язву,—феномены страшные, но рѣдкіе: ибо мы въ теченіи 9 вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ...»

Возраженіе Карамзина конечно не было новостью для Александра. Онъ зналъ традиціонную привязанность русскихъ къ самодержавію; мало этого—кромѣ религіозныхъ мотивовъ видѣлъ въ ней и соціальную основу. «Я нахожу въ Россіи» говоритъ проектъ Сперанскаго, «только два сословія: это рабы верховной власти и рабы землевладѣльцевъ. Первые свободны только относительно послѣднихъ: въ дѣй-

ствительности въ Россіи нѣтъ свободныхъ людей, кромѣ нищихъ и философовъ. Что окончательно уничтожаетъ въ русскомъ народѣ всякую энергію, это тѣ отношенія въ которыхъ поставлены между собою эти два класса рабовъ. Интересъ дворянства требуетъ, чтобы крестьяне были ему совершенно подчинены: интересъ крестьянъ требуетъ, чтобы дворяне точно также были подчинены коронѣ. Престолъ всегда представляется крестьянамъ, какъ единственный противовѣсъ власти ихъ господъ.» — Религіозный мотивъ въ пользу абсолютнаго самодержанія — быть можетъ — и не представлялся Александру рѣшительнымъ возраженіемъ противъ его намѣреній. Государь могъ думать, что промыслъ Божій, покровительствовавшій Россіи при монархахъ абсолютныхъ, не престанетъ покровительствовать и при монархахъ конституціонныхъ. Но практическія затрудненія, указанныя Карамзинымъ, были предъусмотрѣны и въ *проэктѣ*, не нашли себѣ подлежащаго разрѣшенія и конечно были главною причиною, почему дѣло затянулось. — «Кому дадимъ право блюсти неприкосновенность закона? вопрошаетъ Карамзинъ. «Сенату-ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ или государствомъ? Въ первомъ случаѣ они угодники царя, во второмъ — захотятъ спорить съ нимъ о власти... Далѣе: что сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, — объявятъ-ли его преступникомъ? возмутятъ-ли народъ? Всякое доброе сердце содрагается отъ сей ужасной мысли». Пусть этотъ случай немыслимъ въ приложеніи къ самому Александру. Но «если онъ предпишетъ власти какой либо уставъ, будетъ ли его клятва уздою для его преемниковъ, безъ другихъ способовъ, невозможныхъ или опасныхъ для Россіи?»

Возраженія Карамзина были предъявлены въ то время, когда шумъ бранныхъ тревогъ уже увлекъ государя въ міръ другихъ заботъ и отношеній. Мы не можемъ и не имѣемъ цѣлію слѣдить ходъ наполеоновскихъ войнъ; для насъ важно выяснить общій итогъ ихъ по отношенію къ внутренней жизни государя и показать, какимъ образомъ случилось, что наполеоновскія войны провели рѣзкую черту и въ психической жизни Александра и въ характерѣ его царствованія.

(Окончаніе будетъ).

НА ПАМЯТЬ О НАШИХЪ ГЕРОЯХЪ.

(НА НОВЫЙ ГОДЪ—ДѢТЯМЪ УБИТЫХЪ ЗАСТУПНИКОВЪ).

I.

На пути.

Опять я въ дорогу... Конекъ-паровозъ,
Среди молодецкаго свиста,
Слегка понатужился—тронулъ—повезъ—
Послушный рукѣ машиниста.
По гладенькой сѣткѣ изъ рельсовъ и шпалъ
Такъ гибко, красиво онъ вьется,
Волнистую гриву свою разметалъ
И шумно стрѣлою несется.
Мелькаютъ столбы; тамъ сторожки съ боковъ,
Немного поболѣе шкафа;
И молча, нахохлившись, тьма воробьевъ
Усѣлась на нить телеграфа.

Въ поляхъ ни души; по знакомымъ мѣстамъ
Слѣжу я разсѣяннымъ глазомъ,
И думаю грустно: ахъ, что̀ теперь *тамъ*,
За грознымъ Дунаемъ, Кавказомъ!

Вотъ мнѣ здѣсь въ вагонѣ покойно, тепло;
А ка̀къ тамъ солдатамъ на Шибкѣ!
И сколько ихъ тамъ какъ рукою сняло
Отъ бурной и огненной сшибки!

А ка̀къ тамъ въ траншеяхъ проводятъ всю ночь—
Ночь зимнюю, долгую, въ стужу,
Гдѣ съ каждой минутой душа летитъ прочь,
Чуть только ты встанешь наружу!...

Мы все любопытствуемъ, нѣтъ-ли побѣдъ,
И судимъ и ропщемъ отчасти;
Подумалъ-бы строгій судья-домосѣдъ,
Какія столпились тамъ страсти!

Ненастье и ливень, морозы и снѣгъ,
Въ горахъ—гололедица, вьюга,
И раненыхъ сотни и сотни телѣгъ,
И корчи отъ ранъ и недуга.

А сколько-жъ еще закаленныхъ ребятъ
Отъ холода пальцы таращатъ,
А все-жъ стерегутъ, неотступно стоятъ,
Пока замороженныхъ стащатъ!

Ахъ, я ужъ готовъ-бы какъ сборщикъ ходить.
Готовъ-бы пойти въ попрошайки
И всѣхъ надрывающимъ воплемъ молить:
Тулупы, чулочки, фуфайки!...

Вотъ снова летитъ туда поѣздъ солдатъ,—
И, шапку снимая невольно,
Шепчу я: «Богъ въ помочь вамъ, братцы!». Летятъ...
И какъ мнѣ тоскливо и больно!

Серьезные, тихіе,—молча почти,
Спѣшатъ къ голубому Дунаю;
Кого-то изъ нихъ на обратномъ пути
Хоть мелькомъ опять повстрѣчаю?!..

Лечу я за ними упорной мечтой:
Сажусь я въ вагончикъ закрытый,
Въ холодномъ углу, на скамейкѣ простой,
Въ шинелишкѣ вѣтромъ подбитой;

Смотрю за лошадкой, даю ей сѣнца,
Прилягу и самъ на попонѣ;
Верстъ тысячу ѣду,—все путь безъ конца,
И жутко въ товарномъ вагонѣ!

Нѣтъ, этакъ неладно: и много хлопотъ,
И долго въ пути поскучаемъ:
Беру я солдатъ на коверъ-самолетъ,—
И вотъ ужь мы *тамъ*, за Дунаемъ?

II.

У своихъ.

Здѣсь только летать лишь—такая пора;
Дороги—ходи-ка потише;
Трущобы, холмы, за горою гора,
Ходячаго облака выше.

Въ просвѣтѣ туманной густой синевы—
Землянки, безверхія хаты,
Телѣги, костры, батареи и рвы,
И всюду—солдаты, солдаты!

Здорово, родные! челомъ я вамъ бью,
И въ поясъ поклонъ вашей чести;
Съ какою отрадой привѣтъ вамъ даю—
И каждому порознь и вмѣстѣ!

Межъ вами ни братьевъ моихъ, ни сестеръ,
А какъ вы мнѣ дороги, други!
Предъ вашимъ трудомъ опускаючи взоръ,
Пошолъ-бы въ послѣдніе слуги!

Хранители наши!—зову безъ именъ,
Чтобъ мнѣ не забыть кого-либо,—
Отъ цѣлой Россіи вамъ честь и поклонъ
И вотъ ужь какое спасибо!..

И дальше лечу я.. Вотъ съ поля рѣзни
Безногихъ спасаетъ безрукой;
Вотъ трупы лежатъ... какъ ужасны они,
Съ застывшей предсмертною мукой!..

И всюду могилы, вблизи и вдали,
Огромною вьются семьею;
Одинъ на другомъ въ нихъ солдаты легли,
Засыпаны чуждой землею...

Земные-жъ поклоны вамъ, братья, отцы,
Отъ всякаго русскаго сердца;
Для насъ вы не только герои-бойцы,
Вы—мученики изувѣрца!...

Лечу я на горы, несусь по лѣсамъ,
Влетаю подъ низкую крышу:
И сколько я вижу подвижниковъ тамъ,
И сколько ихъ подвиговъ слышу!

Не надо ронять намъ изъ памяти ихъ:
Они—наша честь и веселье;
И вотъ я изъ дѣлъ ихъ и словъ дорогихъ
Нижу да нижу ожерелье...

Вотъ двѣсти казаковъ, взявъ двѣсти солдатъ,
Въ стременахъ, обнявшися, стойки,
Самъ-другъ на лошадкѣ верстъ сотню летятъ,
Летятъ небывалыя тройки!

Вотъ Янтра; на ней, у крутыхъ береговъ,
Наслѣдникъ стоялъ на сторожѣ,
Считая защиту своихъ отъ враговъ
И самой побѣды дороже.

Здѣсь Дѣти Царя сторожили солдатъ,
Стоявшихъ предъ тяжкою Плевной,
И бились побѣдно: и вотъ на-попятъ
Ушелъ Сулейманъ отъ нихъ гнѣвный.

Вотъ Шибка, гдѣ каждый солдатъ сторожитъ
Честь родины нашей свободной;
Тамъ знамя Россіи высо́ко паритъ,
Какъ знамя свободы народной.

Вся Шибка въ огняхъ и горитъ и блеститъ,
Свѣтлѣе Рождественской елки;
Вотъ вражья граната зловѣще свиститъ
И рвется кругомъ на осколки;

Израненъ Григорьевъ—и кровь по всему:
Стоитъ онъ недвижно и смѣло,
Громитъ изъ орудья, а раны ему
Какъ будто пустяшное дѣло.

Вдругъ бомба горящая шасть на людей:
Признаться—надѣлала страху;
Летитъ Фейгенбаумъ, схватилъ поскорѣй—
Въ оврагъ молодецки съ размаху!

И часто имъ, послѣ такой кутерьмы,
Случалось уснуть на биванѣ
И быстро, среди поражающей тьмы,
Подняться на встрѣчу атакѣ...

Но сердце Царицы согрѣло бойцовъ
И перевязало имъ раны,
И скоро, быть можетъ, походъ удальцовъ
Начнется опять за Балканы!

Я къ Скобелеву полечу на поклонъ;
И полемъ, горой и дубравой
Любимца ищу я долгонько... вотъ онъ,
Блистательный, ясный и бравой!

Спокойно онъ держитъ военный совѣтъ
Съ солдатами въ тѣсной траншеѣ,
Самъ учитъ стрѣлять ихъ, самъ ставитъ секретъ,
Чтобъ турка свалить повѣрнѣе.

И вотъ ужь летитъ средь опаснѣйшихъ мѣстъ,
И жизнью солдатскою дышетъ,
Храбрѣйшимъ изъ нихъ шлетъ Георгія крестъ,
И письма къ нимъ дружески пишетъ.

Кто Скобелева въ бою разъ увидалъ,
Тотъ полонъ восторга безъ мѣры!
И что̀ пріобрѣлъ нашъ герой-генералъ
Любви, уваженья и вѣры!

Разъ терскій казакъ въ попыхахъ говорилъ,
Что Скобелевъ раненъ подъ Плевной:
И плакалъ казакъ, и стоналъ, и грустилъ
Тоскою родной, задушевной!

Но первый-же Скобелевъ въ тылъ за врагомъ
Побѣдно направилъ усилья:
И Бѣлъ-генералъ уже Бѣлымъ Орломъ
Расширилъ надъ Плевною крылья!..

Я дальше лечу; что ни шагъ почитай
Дивлюся труду человѣчью:
И въ гору дерися, и путь пробивай,
И пушки тащи подъ картечью.

На горкѣ—редутъ неприступный... и вдругъ
«Ура!» тамъ разносится гулко,
Пошла трескотня, схватилъ турокъ испугъ:
Смекай—появился тамъ Гурко!

Орелъ забалканскій, онъ въ горы плыветъ,
Въ глубокомъ молчаніи рѣетъ,
И вѣчно онъ турокъ вдругъ въ тылъ обойдетъ,
И грянетъ, и вѣтромъ развѣетъ!

Вернулся, глядитъ—не ахти барыши;
Еще разъ онъ гвардію двинулъ,—
И хлѣба кусокъ у Османа паши
Какъ будто-бы изо-рту вынулъ!

А тамъ крутизна, что взойти нѣту силъ,—
Солдатики тащатъ орудье:
Умаялись шибко, потъ градомъ катилъ,
И стало вздохнуть малолюдье.

Спѣшатъ къ нимъ на помощь: эй, стой, старичье!
Дай пушку—вамъ духу прибавимъ.
«Ну, нѣтъ! не дадимъ: мы тащили ее,
Мы сами ее и поставимъ!»

Кто, братцы, въ охотники? кличетъ посолъ:
Есть на ночь большая работа!
На этотъ призывъ капитанъ подошелъ
И молвилъ вдругъ: «я и вся рота!»

Тамъ батюшкѣ молвятъ—опасно ему,—
Идетъ съ авангардомъ не труся:
«На все воля Божья; авось я кому
Изъ раненыхъ здѣсь пригожуся».

За пѣшимъ вотъ гонятся турки... «Землякъ»!
Зоветъ его кто-то тихонько;
Землякъ оглядѣлся—за камнемъ казакъ
Израненный манитъ легонько.

Лежитъ онъ разбитый,—лошадка въ яру,
И шепчетъ казакъ холодѣя:
«Бери мою лошадь,—я тутъ ужь помру,
А ты, братъ, спасайся скорѣе!»...

Никто въ этой честной, священной войнѣ
Не дышетъ тщеславьемъ и фарсомъ!
И ярко еще вспоминается мнѣ
Какой-то фельдфебель подъ Карсомъ.

Пробитъ шестью пулями, палъ какъ бревно,
Въ великую ночь его сдачи,
Крестясь, передъ смертью, промолвилъ одно:
«Дай, Господи, нашимъ удачи!»

О, Матушка-Русь! дорожи и гордись
Послушнымъ и добрымъ солдатомъ;
На этихъ же—раненыхъ—просто молись,—
Нѣтъ счету ихъ мукамъ, утратамъ!

Вотъ тянется поѣздъ; вдругъ вьюга, морозъ:
Какъ стонутъ страдальцы отъ боли!
Свирѣпствуетъ вьюга... застрянулъ обозъ...
И всѣ замерзаютъ на полѣ!...

Лечу въ лазареты; тамъ нашихъ врачей
Работаютъ ловкіе пальцы,
Съ зари до зари, надъ тѣлами гостей:
И вотъ—веселѣютъ страдальцы!

Въ грудь раненъ солдатъ, и сестра чѣмъ-нибудь
Изъ чашечки кормитъ какъ внучка;
«Сестрица! ты чашку поставь мнѣ на грудь,—
А то заболитъ твоя ручка!»

Другой, полусидя на койкѣ своей,
Самъ ложкою кормитъ сосѣда—
Врага, съ кѣмъ онъ дрался за нѣсколько дней,
Съ нимъ дѣлится долей обѣда.

«Покушай-вотъ кашки, сердечный ты мой!
Тебя зацѣпилъ я вонъ сколько!
Что̀ дѣлать-то! грѣхъ ужь случился такой:
Война... Воля Божья—и только!

А ты ужъ прости, не сердись ничего!
Охъ, всѣ-то мы люди на свѣтѣ,
И всѣ человѣки, и всѣ одного
Отца мы Небеснаго дѣти»!

Тотъ доктора молитъ: «лечи-ка другихъ,
А мнѣ ужъ ждать смертнаго часа:
Куда ужъ мнѣ жить-то, при ранахъ моихъ—
Безъ груди, безъ реберъ, безъ мяса!»

А тотъ какъ разбитъ! изъ его головы
Мозгъ выступилъ, весь на примѣтѣ;
Но онъ разсуждаетъ, и спросите вы:
Что-жъ, ладно-ль тебѣ въ лазаретѣ?

«Да какъ-же не ладно: вѣдь *нашъ* верхъ»? Ну, да!
«И ладно!.. Лежу я—вотъ жалость!
А дастъ Богъ, поправлюсь, опять я туда:
Должокъ—поцарапали малость!»..

И вьются что день вѣтерочкомъ живымъ
Ланцеты и пилочки востры;
И солнышкомъ яснымъ надъ каждымъ больнымъ
Сіяютъ и радуютъ сестры.

Сестра перевяжетъ, сестра бережетъ,
Сестра на всю ночь къ изголовью,
Сестра утѣшаетъ, сестра стережетъ,
И очи закроетъ съ любовью...

Но мнѣ и не счесть вамъ, не то передать
О нашихъ герояхъ сердечныхъ;
Ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать
Всѣхъ подвиговъ ихъ безконечныхъ.

Ни мнѣ говорить, ни вамъ слушать не лѣнь
О всемъ, что въ нихъ любо и честно;
А сколько-жъ такого, что намъ по сей день
Еще никому неизвѣстно!

Но то, что узналъ я о дѣлѣ святомъ,
Дивуясь героямъ повсюду,
Напомню еще разъ, хоть блѣднымъ стихомъ,
Для памяти русскому люду.

Напомню всѣмъ старымъ—въ отраду души,
Всѣмъ молодцамъ добрымъ—на славу,
Благимъ матерямъ—на молитву въ тиши,
А дѣтушкамъ малымъ—по-нраву!..

III.

У друзей и враговъ.

Лечу въ Черногорію, къ братьямъ своимъ,
Къ союзникамъ вѣрнымъ, героямъ,
Что крѣпко противятся туркамъ лихимъ,
Какъ твердый утесъ всѣмъ прибоямъ!

Привѣтъ и поклонъ вамъ на вашихъ горахъ,
Родные орлы—черногорцы!
Въ атакѣ, въ засадѣ, въ бою на скалахъ—
Прямые вездѣ чудотворцы!

Безъ пушекъ берете вы крѣпости тамъ,
Безъ ружьевъ—поближе—ножами,
Безъ пищи деретесь по днямъ и ночамъ:
И вѣчно побѣда за вами!

И чтимъ мы васъ всѣхъ—богатырскую рать,
Съ восторгомъ толкуемъ въ бесѣдахъ;
И веселъ нашъ кликъ: молодцы! исполать!
При вѣсти о вашихъ побѣдахъ.

Ужь какъ намъ для милыхъ и вѣрныхъ друзей
Хотѣлось-бы всѣмъ постараться—
И хлѣбомъ, и солью, и лептой своей,—
Да трудно до васъ-то пробраться!

Когда-то сойдетесь вы съ нашими тамъ,
Да грянете разомъ на турка,
Чтобъ онъ убирался подальше къ ...звѣрямъ
И сгинулъ какъ вѣщій каурка!

Вѣдь душу воротятъ разсказы о томъ,
Что̀ дѣлаютъ эти убійцы,
Какъ раненыхъ нашихъ терзаютъ живьемъ,
Уродуютъ ихъ, кровопійцы!

Разъ какъ-то нашли тамъ во рву одного
Израненнаго офицера,
Отрѣзали уши и носъ у него,
Пустили къ своимъ для примѣра.

Но тотчасъ догнали страдальца опять,
Отрѣзали руку больную,—
И снова пустили, заставивъ бѣжать,—
Настигли, отсѣкли другую.

Пустили.... догнали, свалили его,
Таскали по камнямъ дороги,
И съ ревомъ звѣрей, въ довершенье всего,
Отсѣкли ему обѣ ноги!

Лежитъ онъ, несчастный, совсѣмъ окорнанъ...
Что̀ вытерпѣлъ онъ, умирая!
Ахъ, крикъ его сердца и вопли отъ ранъ—
Ты слышишь ли, матерь родная?!

Тамъ раненыхъ нашихъ, измучивъ въ рѣзнѣ,
Живыми сожгли въ госпиталѣ...
Но нѣтъ, невтерпежъ ужь становится мнѣ,—
Подалѣ отсюда, подалѣ!..

IV.

Къ сосѣду.

Опять я въ вагонѣ.... Конекъ-паровозъ
Несется побѣжкой игривой,
Свиститъ, и грохочетъ, и дразнитъ морозъ
То бѣлой, то черною гривой.

Напротивъ меня помѣстился съ сынкомъ
Сосѣдъ, здоровякъ краснощекій,
Съ двумя чемоданами, связкой, кулькомъ,
Съ пуховой подушкой широкой.

Разлегся сосѣдъ на сидѣньи тройномъ,
Пружиной легонько трясется.
—Сосѣдъ, потолкуемъ о дѣлѣ родномъ,
Чѣмъ сердце у всякаго бьется.

Собрали-ль у васъ для солдатъ капиталъ?
И есть-ли у васъ имъ больницы?
И сколько страдальцевъ Господь вамъ послалъ?
И служатъ-ли братьямъ сестрицы?—

Сосѣдъ промычалъ мнѣ, себя безъ числа
Широкимъ крестомъ осѣняя:
«Да что толковать-то: не наши дѣла!»
И снова крестился, зѣвая.

Ну, книжку купи для прочета. «О чемъ?»
Да вотъ про войну. «Недосужно!»
А книжка занятная—баютъ. «Почомъ?»
Да десять копѣекъ. «Ненужно!»

Купи для сынишки,—чай, любитъ читать.
«Неграмотенъ». Я прочитаю.
«Поди, не при насъ это писано, чать;
Да я вотъ вздремнуть полагаю».

Для раненыхъ это, чтобъ имъ помогать.
«А, раненъ! а я что причиной?
«И нешто ихъ я посылалъ воевать?
«Глядѣлъ-бы за роднымъ дѣтиной».

Да все жъ онъ—несчастный! Будь людямъ отцомъ—
Пожертвуй.—«Ужь мы помогали!»
Ну, просимъ прощенья!... Поникъ я лицомъ
И думалъ въ невольной печали:

Да что наша помочь! рублишко, ну-два,
И рѣдко кто это удвоитъ;
А тамъ вотъ, какъ скатится съ плечъ голова:
Смекни-ка, чего она стоитъ!...

Страна стоитъ крѣпко лишь только тогда,
Какъ граждане есть въ ней!... Бывало,
Что всѣ богачи снаряжали суда,
Какъ власть ихъ на помочь сзывала.

Такъ было у древнихъ. А гдѣ-же у насъ
Подобные имъ патріоты?
У насъ походи, поклонися не разъ—
Немного прикинешь на счеты.

Прочти имъ, какъ нашимъ пришлося страдать,—
Всѣ скажутъ: «ахъ, страшное дѣло!»
Утрутъ и слезинку,—а помочи дать
Имъ скучно, или надоѣло!

А мы-ль не могли бы—одинъ-другой край,
Коли не отдѣльныя лица,—
Построить дороги,—мосты чрезъ Дунай,
Чтобъ ближе была къ намъ граница?

Аль мы не могли-бъ пароходъ снарядить,
Чтобъ вѣсточки слать имъ почаще,
И честныхъ заступниковъ въ пору кормить,
Беречь, утѣшать ихъ послаще?...

А мы утомились добромъ грошевымъ!
Ахъ, други, какимъ подаяньемъ
Сравнимся мы съ братскимъ трудомъ боевымъ,
Съ ихъ тяжкимъ и долгимъ страданьемъ!

Разъ подалъ ты братьямъ—и замеръ какъ пень,
А снова помочь имъ—вздыхаешь;
Себѣ же—что вздумалъ, и въ карты что день—
Чай, рубликовъ пять проиграешь.

На рубль ты помощникъ *такого* труда:
Попалъ-же ты въ самую точку!
Пошелъ-бы ты самъ на недѣльку туда,
Провелъ-бы тамъ зимнюю ночку,

Да легъ-бы подъ небомъ, на грозныхъ скалахъ,
Подъ-часъ—на сырую землицу,
Да весь исковерканный въ разныхъ дѣлахъ,
Вернулся-бы къ намъ ты въ больницу.

Глядь—рана въ боку, тамъ ноги не ищи,
Тамъ плечико пулей задѣто,
Тамъ челюсть разбило, хоть просто свищи:
А мы-бъ тебѣ рубликъ за это.

Голубчикъ! спасибо сказалъ-бы ты намъ?..
Такъ чтожь о другихъ не хлопочешь?
Или же добро лишь по Божьимъ церквамъ
По своему дѣлать ты хочешь?

Ты, можетъ, льешь колоколъ въ сотни пудовъ,
Воркунъ мой, голубчикъ мой сизой,
И все украшаешь ты рядъ образовъ
Богатою кованой ризой.

Ахъ, нужно умѣть и добро сотворить,
Чтобъ было и впору и кстати,
Нѣтъ лучше—какъ помощь страдальцамъ явить,
По слову самой Благодати.

Ужель ты не вѣдаешь рѣчи святой,
Что истый храмъ Божій—твой ближній?
Ему помоги ты, *его* успокой
Въ судьбѣ его многоподвижной.

Вотъ онъ покатилъ воевать—помирать
За насъ и за общее дѣло:
А мы-то должны помогать—помогать
Любовно, сердечно, всецѣло.

Защитнику самъ ты защитой служи,
Покуда тамъ лямку онъ тянетъ;
Не бойся убытка: придутъ барыши.
И солнышко въ душу заглянетъ.

Не можешь ты самъ, при достаткѣ своемъ,
Утѣшить калѣку-солдата,
Другихъ пригласи, и по братски, втроемъ,
Спаси хоть единаго брата!

Слеза благодарная ярче горитъ,
Чѣмъ самый алмазъ на иконѣ,
Быстрѣе луча она къ Богу летитъ,
И блещетъ на Божіемъ лонѣ...

А дай-ка я это сосѣду скажу;
Коли-бъ полюбилась бесѣда!
Я поднялъ глаза, и смущенный гляжу:
Ужъ сномъ одолѣло сосѣда.

А все-жь я пускаю ее въ оборотъ,
Въ надеждѣ, что коникъ желѣзный
И въ Курскъ, и въ Москву, въ самый Питеръ свезетъ,
На помочь семейкѣ болѣзной.

Я знаю, стихомъ неумѣлымъ своимъ
Плохой я работникъ искуству;
Но можетъ, хоть словомъ сердечнымъ однимъ
Отвѣчу народному чувству.

Согрѣй же, о Господи, слово въ народъ
Своей благодатью великой;
Изъ малаго зернышка вырасти плодъ
И тѣнь надъ инымъ горемыкой.
Пускай оботретъ кому каплю слезы,
Кому кусокъ хлѣбца добудетъ!...
Лети же, конекъ, и мой стихъ развози,
И Богъ тебѣ въ помочь да будетъ!...

Я вышелъ. Какъ прежде помчался конекъ,
Не труся погодки бурливой;
И яркія искры пустилъ подъ шумокъ
Разсыпчатой огненной гривой.
Ахъ, еслибъ тѣ искры да золотомъ взять,
Да братьямъ безрукимъ, безногимъ:
Авось, я не сталъ-бы по гривнѣ сбирать
За книжки по нашимъ дорогамъ...

17 декабря 1877 г.
Конотопъ.

С. Пономаревъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

по воскресеньямъ, какъ и въ 1877. Журналъ будетъ издаваться по извѣстной уже программѣ.

2. «Русскій Сборникъ» же *составляетъ безплатное приложеніе къ* «Гражданину», выходитъ два раза въ годъ (книгами отъ 20 печатныхъ листовъ съ иллюстраціями): I т. въ ферралѣ, а II томъ въ октябрѣ (разсылается всѣмъ *годовымъ* подписчикамъ на «Гражданинъ» немедленно по выходѣ въ свѣтъ) и заключаетъ въ себѣ собраніе тѣхъ статей (оригинальныхъ и переводныхъ—изъ лучшихъ англійскихъ, французскихъ, нѣнецкихъ, *славянскихъ* и т. п. журналовъ и книгъ), которыя по объему и характеру своему не могли войти въ еженедѣльный журналъ.

3. При «Гражданинѣ» *ежемѣсячно* будетъ *безплатно* разсылаться всѣмъ подписчикамъ на «Гражданинъ» «*Книжный Листокъ*» (12 выпусковъ въ годъ), въ коемъ будутъ помѣщаться: а) ежемѣсячные отчеты обо всѣхъ заслуживающихъ вниманія новыхъ книгахъ и б) справочные каталоги о книгахъ, поступающихъ въ продажу *при книжномъ складѣ редакціи*.

4. Всѣмъ годовымъ подписчикамъ на 1878 г. съ 1 № будетъ *безплатно* разослана книга (болѣе 20 печ. листовъ значительнаго формата): «**Восточный Вопросъ прошедшаго и настоящаго. Защита Россіи**». Соч. сэра Дж. Г. Т. *Синклера*, баронета, члена англійскаго парламента, пер. подъ ред. *В. Ѳ. Пуцыковича*. (Въ этомъ остроумномъ и интереснѣйшемъ сочиненіи, посвященномъ авторомъ «Великой русской націи и турецкимъ христіанамъ», обратившемъ на себя вниманіе всемірной печати и признанномъ многими, не исключая иныхъ туркофильскихъ еврейскихъ журналовъ,

«*Руководствомъ* къ Восточному вопросу», авторъ сообщаетъ цѣлыя массы любопытнѣйшихъ и поучительныхъ фактовъ и мнѣній великихъ и знаменитыхъ людей касательно Восточ. вопроса; съ самимъ горячимъ сочувствіемъ относится къ страждущимъ подъ турецкимъ игомъ христіанъ, освободителямъ ихъ русскимъ, и требуетъ полнаго освобожденія славянъ и вообще всѣхъ христіанъ, а также—самаго широкаго вознагражденія Россіи за ея военные убытки).

5. Всѣ подписчики на 1878 г., независимо отъ этихъ приложеній къ журналу, безплатно получатъ съ 7 № на 1878 г. два тома романа князя В. П. Мещерскаго: «Тайны Современнаго Петербурга»: *Въ царствѣ Венеры и Развязка.*

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи (*Надеждинская*, *24.*, *кв. 1*) или при книжномъ магазинѣ *А. Я. Исакова* (Гостинный дворъ, № 24), а въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, Васильева и Живарева. Иногородные адресуются *исключительно* въ С.-Петербургъ: *въ редакцію журнала* «Гражданинъ».

Подписная цѣна за всѣ изданія прежняя:

На годъ безъ доставки . . . . 7 р.
« « съ доставкою и пересылкой . . 8 «
« « съ перес. заграницу . . . . 10 «

Для народныхъ учителей и народныхъ училищъ, безъ различія вѣдомствъ, воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній и волостныхъ правленій редакція *понижаетъ* подписную цѣну съ 8 на 6 р. за всѣ изданія, но только при подпискѣ на годъ. Этимъ же правомъ могутъ пользоваться и священнослужители, *безплатно обучающіе* въ народныхъ

школахъ, а *также священно-церковно-служители бывшихъ уніатскихъ приходовъ*. Для народныхъ учителей и училищъ, воспитанниковъ уч. зав., волостныхъ привленій, священно-церковно-служителей, а также для служащихъ допускается (тоже лишь при подпискѣ *на годъ*) *разсрочка* въ платежѣ подписной суммы—съ платой за каждую четверть года или каждые три мѣсяца *впередъ* по 2 р., причемъ желающіе пользоваться разсрочкой благоволятъ съ точностью заявлять объ этомъ въ своихъ письмахъ.

При редакціи «Гражданина» открытъ *книжный складъ*, изъ котораго можно выписывать всякаго рода книги какъ изданія редакціи и ея сотрудниковъ, такъ и всякихъ авторовъ и книгопродавцевъ.

Съ 1-го сентября 1877 года журналъ вступилъ въ шестой годъ своего изданія по улучшенной программѣ и будетъ выходить 1-го и 15-го числа и заключаетъ въ себѣ до тысячи литографированныхъ рисунковъ въ годъ дамскаго и дѣтскаго туалетовъ и бѣлья, для которыхъ прикладываются 12 вырѣзныхъ выкроекъ въ годъ и до 200 нарисованныхъ на отдѣльномъ листѣ въ ростъ человѣка; рисунки эти берутся съ парижскихъ моделей и еще изъ 20 слѣдующихъ самихъ лучшихъ французскихъ изданій: «Aquarelle-mode», «Elegance parisienne», «Mode artistique», «Moniteur de la mode», «Haute nouveauté de Paris», «Mode actuelle», «Lingère parisienne», «Bon ton», «Courrier de la mode», Gazette rase», «Dernière mode», «Printemps», «Modes parisiennes», «Journal de coiffeurs», «Mode françaisses», «Journal des dames et des demoiselles», «Mode de Paris или Illustrateur des dames» и спеціальный англійскій журналъ дѣтскихъ модъ «Boys and Girls»; изъ всѣхъ этихъ изданій избираются только тѣ рисунки, которые болѣе соотвѣтствуютъ нашему сезону, такъ какъ многіе туалеты парижскихъ изданій не подходятъ къ условіямъ русской жизни. Подъ каждымъ туалетомъ объясняется, какъ слѣдуетъ подбирать полонезы или тюники и сколько идетъ аршинъ матеріи и гарнировки на весь туалетъ, а также назначена и цѣна его въ готовомъ видѣ. Кромѣ того дается: 12 картинъ, раскрашенныхъ акварелью, 12 листовъ приложеній съ цвѣтными рисунками всевозможныхъ рукодѣлій, а также рисунками въ русскомъ и малороссійскомъ стилѣ для вышивки рубащекъ, полотенецъ, салфетокъ, скатертей, юбокъ, штoръ, драпри, кальсонъ, кофтъ и т. п. Дамское, дѣтское и мужское бѣлье будетъ помѣщено въ совершенно полномъ составѣ. Особенное вниманіе редакція обратитъ на выборъ приданнаго. Въ журналъ

войдутъ туалеты для пожилыхъ и полныхъ особъ, а также обратится особенное вниманіе на домашніе туалеты въ отношеніи ихъ экономіи. При заказѣ редакція высылаетъ образчики новыхъ матерій, за пересылку которыхъ прилагаются двѣ марки по 8 к. Гг. подписчики могутъ выписывать отдѣльный патронъ любой вещи, по своей таліи, высылая для этого мѣрку по указанію нашихъ фигуръ; за каждый подобный патронъ платится 40 коп. съ пересылкою.

1-го числа помѣщается хозяйственный отдѣлъ, а 15—модная хроника.

Цѣна изданія съ пересылкою и доставкою **за годъ 3 руб. 50 к.**

№ 1-й журн. выйдетъ 1-го января 1878 г.

Кромѣ сего г. подп. желающіе получить только что вышедшій въ свѣтъ

Альбомъ на 6-ти листахъ исполненъ хромолитографіей цвѣтными красками: 1) Взрывъ турецкаго монитора «Хивзи-Рахмана». 2) Портретъ Дубасова. 3) Портретъ Шестакова. 4) Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай у Зимницы, подъ прикрытіемъ артиллеріи, въ ночь съ 14-го на 15-е юня. 5) Переправа черезъ Дунай вплавь казаковъ и высадка войскъ у Систова. 6) Переходъ русскихъ войскъ у Браилова по плавучему мосту. Мѣстности обозначены №№: № 1) Русская батарея; № 2) Галацъ; № 3) Турецкая деревня Читнямъ; №№ 4) и 5) развалины Гичета; № 6) Желѣзная дорога къ дунайской гавани и 7) Видъ крѣпости Баязета въ Арменіи, гдѣ русскій небольшой гарнизонъ держался противъ 30,000 турецкой арміи. Гг. подписчикамъ 2-го изданія съ этого альбома дѣлается исключительная

уступка—60% съ назначенной цѣны 3 руб. въ продажѣ, съ пересылкой платятъ 1 р. 20 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: въ С.-Петербургѣ, Караванная, домъ № 18, въ бель-этажѣ, и въ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ, у И. Г. Соловьева Стр. б., домъ Алексѣева. Подписка о 1-мъ изданіи «Модныхъ Выкройкъ», стоющемъ 7 р. въ годъ, см. въ прошедшемъ №.

Редакторъ-издатель *А. Тарочешниковъ.*

Содержаніе: Слово на Новый 1878 годъ.—Характеристика Императора Александра I-го.—На память о нашихъ герояхъ (стихотвореніе).—Объявленія.

Печатать дозволяется. 18-го Января 1878 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.